

Ассоциация этнографических и антропологических
наук России
Научно-координационный совет республиканской
научно-исследовательской программы
"Народы России: возрождение и развитие"
Новосибирский государственный педагогический
университет
Омский государственный университет
Омский филиал Объединенного института истории,
филологии и философии Сибирского отделения
Российской академии наук
Сибирский филиал Российского института культурологии
Комитет по культуре и искусству Администрации
Омской области

**ИНТЕГРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы V всероссийского научного семинара,
посвященного 155-летию со дня рождения
Н.М.Ядринцева

ISBN 5-85540-430-7

Омск-Уфа
1997

Утверждено к печати
Омским филиалом Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН

Редакционная коллегия:

Л.М.Кадырова (отв. редактор), канд. ист. наук С.Н.Корусенко, д-р ист. наук В.И.Матющенко, канд. ист. наук А.Г.Селезнев, д-р ист. наук В.И.Соболев, канд. ист. наук С.Ф.Татауров, Л.В.Татаурова (отв. секретарь), канд. ист. наук С.С.Тихонов, д-р ист. наук Н.А.Томилов (отв. редактор), д-р ист. наук Л.А.Чиндина, С.З.Земцова (секретарь)

Интеграция археологических и этнографических исследований:
Материалы V всероссийского научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Н.М.Ядринцева. - Омск-Уфа: Издание Омск. ун-та и Омск. филиала Объединен. ин-та истории, филологии и философии, 1997. - с.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект N 97-01-14044

© Омский государственный университет, 1997

© Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, 1997

А.А.Азизян Алматы, Институт востоковедения

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОРНАМЕНТИКИ ДОПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА

Всячески приветствуя интеграционную направленность данного семинара, хотелось бы высказать свои соображения по несколько видоизмененной теме, а именно: "Интеграция археологических и этнических исследований" на материале древнейших археологических культур Ближнего Востока - Юго-Восточной Европы (неолит-энеолит). Поводом для этого является хорошо известное обстоятельство: чем глубже во времени лежит материальная культура, тем более проблематична ее этническая интерпретация и тем больше сопоставляемые этнографические материалы играют роль неких универсальных переводчиков "на любой язык". В ходе таких сопоставлений естественным образом акцентируются, во-первых, стадийные явления и, во-вторых, явления функционирующие на логическом, понятийном уровне (ритуалы, обряды, символы, мифы и т.п.). И то, и другое объективно подвержено передаче и заимствованию. Доказать уникальность - и тем самым этническую маркированность - на основании функции вещи или содержания обряда практически невозможно (Дьяконов, 1967. Алексеев, 1989.).

Признание исключительной роли орнамента как этномаркирующего

Л.И., 1995). Кроме вышеуказанных, есть и проблемы полной неизученности народной хореографии того или иного этноса, что особенно характерно для азиатской части территории нашей страны. Научное пространство в этой области знаний - этнохореографии (этнохореологии) полностью еще не изучено. А перспектива его изучения вполне вероятно может привести к неожиданным научным результатам.

Л.Д. Макаров Ижевск, университет

ИЗУЧЕНИЕ ПОЗДНЕРУССКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В КАМСКО-ВЯТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Исследование русских памятников позднего средневековья и нового времени (XVI-XIX вв.) насчитывает в рамках российской археологии сравнительно небольшую историю. Не является исключением и рассматриваемый регион. В дореволюционный период этим объектам были посвящены лишь отдельные заметки. Так, в конце XVIII в. описания ряда крепостей оставили участники академических экспедиций: И.И.Лепехин (Слободской, Шестаков, Кайгород), Н.П.Рычков (Елабуга, Арск), П.С.Паллас (Арск, Сарапул). В первой половине XIX в. сведения о позднерусских памятниках выявил Вятский губернский статистический комитет (ВГСК), собиравший эти данные по предписанию министерств просвещения, внутренних дел и финансов. Ряд заметок опубликовала и местная печать (Царевосанчурск, Елабуга, Малмыж, посадские укрепления Хлынова, Шестаков, Слободской).

Вторая половина столетия ознаменовалась включением в исследование позднерусских памятников археологов-любителей. Среди них отметим И.В.Шишкина, который вместе с сыном-художником И.И.Шишкиным, по просьбе К.И.Невоструева, обследовал в 1855 г. Елабужское (Чортово) городище, где произвел небольшие раскопки, а также подробно описал Елабужский кремль. В 1873 г. раскопки на городище провел Р.Г.Игнатьев, а в 1881 г. - П.А.Пономарев. В 1859 г. секретарем ВГСК В.А.Короваевым опубликована сводка вятских древностей, где фигурируют земляные валы в Вятке и Шестакове, ряд часовен и церквей Вятского края. Елабужское (Чортово) городище, Старцеву гору в Сарапуле, часовни на месте побоищ в Вятке (Раздерихинская), у Жерновых Гор, в д. Косогор указывает П.В.Алабин.

В 1865 г. на Вятке были произведены первые квалифицированные раскопки: П.И.Лерх разрезал двумя траншеями площадку древнерусского Подчуршинского городища, на которой обнаружил 15 поздних захоронений в гробах и колодах без сопровождающего инвентаря. Новый этап в изучении поздних русских древностей связан с А.А.Спицыным. В 1881 г. он опубликовал "Каталог древностей Вятского края", в котором были учтены Хлыновский кремль, Кайгородское, Малмыжское, Тороповское городища. В 1887-1891 гг. А.А.Спицын проводит

широкомасштабные археологические изыскания междуречья, в ходе которых в поле его зрения попадают и поздние находки, упомянутые в его обобщающем труде "Приуральский край". В их числе предметы, найденные на Скорняковском, Маловенижском (Поркар), Елабужском (Чортово), Ковровском городищах, Дедовском и Ивкинском селищах. Немало краеведческих заметок в вятской печати пореформенного этапа также касается находок рассматриваемого времени, в т.ч. кладов русских монет, древних часовен и церквей, отдельных предметов.

В начале XX в. появляется ряд публикаций, в которых фиксируют позднерусские памятники. В частности, М.Л.Песковский сообщает о находках икон в Чегандинских пещерах, о подземных ходах в Вятке, Кукарке и других местах. Сводку позднерусских крепостей XVI-XVII вв. приводит в своем путеводителе "Кама и Вятка" Д.К.Зеленин. Помимо их краткого описания, где археологических данных почти нет, автор фиксирует в идеологии русского населения внушительный языческий пласт. Создание Вятской ученой архивной комиссии (ВУАК) способствовало исследованию и поздних памятников. Так, А.С.Лебедев приводит данные о подземном ходе, идущем с Пижемского городища в Кукарку, о часовнях на месте битв черемис с русскими в с. Жерновогорском и г. Кукарке. В 1910 г. по инициативе А.С.Лебедева возникает Кукарское образовательное общество с библиотекой и музеем, где хранились бытовые вещи и предметы православного культа. В 1909 г. на окраине Сарапула на Оползине, что на Старцевой горе, были обнаружены две большие коллективные могилы, одна содержала православные захоронения с крестиками и монетами XVII в., другая - мусульманские погребения (антропологическое определение М.М.Хомякова). Сразу же появились предположения о захоронениях жертв "моровой язвы" в первой половине XVII в., хотя была версия и об эпидемии чумы, унесшей в 1351 г. болгар или башкир. Однако, не исключено, что в коллективных могилах могли быть похоронены умершие скоропостижно или насильственной смертью, поскольку как раз где-то здесь располагалась древняя часовня, служившая "убогим домом" для отпевания подобных покойников. Определенную работу по собиранию позднесредневековых древностей проделал Сарапульский земский музей, созданный в 1909 г. и выпускавший с 1911 г. свои "Известия", а также возникшее при нем в 1914 г. Общество изучения Прикамского края. В частности, местный археолог Л.А.Беркутов впервые описал следы русской крепости в с. Каракулино и упомянул обнаруженные там же православные захоронения. Г.Е.Верещагин изложил данные о Троицком монастыре и кладбище XVII-XVIII вв. на Елабужском (Чортовом) городище, дав описание одной из могил.

В 1912 г. в г. Вятке был создан церковно-археологический музей, в котором оказалась значительная коллекция монет и предметов христианского культа XVI-XIX вв. Пополнение фондов музея производилось в ходе церковно-археологических экскурсий, которые

совершал И.М.Осокин. В ходе поездок ему удалось обследовать большое количество церквей и часовен и собрать (или описать) немало экспонатов культового характера. Существенный вклад в исследование русских древностей края внес М.Г.Худяков, который воссоздает этапы возникновения и развития Малмыжа, публикует надписи на надгробных плитах XVII в., указывает на находки XIX-XVIII вв. как в городе, так и в уезде. Отдельные позднесредневековые находки указаны в Котельничском календаре-альманахе, издававшемся в 1912-1914 гг. И.Ф.Мултановским.

После революции и гражданской войны исследование памятников позднего периода проводилось Вятским музеем, Вятским историческим обществом, НИИ краеведения, Вятским пединститутом, Научным обществом по изучению Вятского края (позднее УдНИИ). Так, в 1926 г. обследовано Шестаковское городище, на котором выявлены следы построек XVII-XVIII вв. В Сарапуле большую работу по учету археологических памятников проводил краевед В.Ф.Стрельцов, который в ходе личных изысканий и при анкетировании выявил поздние русские кладбища в Среднем Прикамье (Гольяновское, Кулюшовское), на севере Удмуртии (Дебесское, Киршатское, Тарасятское) и в Ижевске (Михайловское). В 1936 г. А.П.Смирнов при обследовании рек Валы и Тоймы обнаружил несколько селищ с русской керамикой позднего времени.

Важные работы провел в г. Вятке в 1934-1937 гг. М.П.Грязнов. Он исследовал территорию посада г. Хлынова, отметив бревенчатые мостовые, стратиграфию напластований, остатки посадского вала. Ученый собрал и проанализировал антропологический материал пяти городских кладбищ XVII-XVIII вв., разрушенных при строительстве (половозрастное определение, краниометрические обмеры 109 черепов, паталого-анатомический анализ костяков), что позволило прийти к выводам о низкой продолжительности жизни вятчан, высоком уровне их смертности, тяжелых заболеваниях, смешанном этническом типе. Об этих и других поздних находках писал в местной печати Б.А.Васильев, составитель археологической карты Кировского края, на которую попали и русские памятники вплоть до XVII в. Итоги довоенных исследований подведены в работе И.А.Талицкой, опубликованной в 1952 г., куда были включены и некоторые позднерусские материалы.

Двухсотлетний период изучения русских археологических памятников региона эпохи позднего средневековья и нового времени обнаружил перспективность данного направления науки. Уже в то время осознавалась необходимость заполнения хронологической лакуны между древнерусским периодом и русскими этнографическими материалами. Однако пополнение данного периода полноценными археологическими источниками приходится все же на последние 50 лет и особенно на последнюю четверть века, что связано с созданием в 1973 г. в Удмуртском университете Камско-Вятской экспедиции (рук. Р.Д.Голдина).

С самого начала был взят курс на выявление и изучение археологических памятников региона всех эпох, при этом позднерусские объекты исследовались преимущественно в ходе охранных раскопок в зонах мелиоративного строительства. В итоге обследовано более 500 поздних русских памятников, около сотни которых подверглось стационарным раскопкам. Получен колоссальный материал, позволяющий значительно расширить наши представления о материальной и духовной культуре русского населения Камско-Вятского междуречья XVI-XIX вв.

О.Б.Максимова, Е.М.Черных Ижевск, университет

ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ В ИЗУЧЕНИИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИУРАЛЬЯ

Мировоззрение общества проявляется во всех сферах его бытия: жизнеобеспечивающей, нормативной, духовной. В первобытном обществе эти сферы настолько взаимосвязаны, что порой трудно отделить материальное от идеального. Большинство материальных объектов несут на себе отпечаток представлений человека об окружающем его мире. Важно увидеть это, но еще труднее прочитать и объяснить. Семиотический статус вещей, как научная проблема, в последнее время занимает все больше места в исследованиях как этнологов, так и археологов. Причем, и те и другие активно используют информативные возможности источников смежных наук. При сопоставлении археологических и этнографических источников возникают проблемы методологического порядка, чему посвящена обширная литература. Этнологи, как правило, изучают "живую" культуру. Археологи получают в свое распоряжение крайне фрагментированные и видоизмененные остатки культур давно ушедших, социальный контекст которых им не известен. Обращение к интерпретации таких данных требует известной осторожности (Шнирельман В.А., 1993). Бесспорно правомерным представляется использование этнографических аналогий в тех регионах, где наблюдается генетическая преемственность в первобытной и современной культуре.

Как правило, изучая древнее домостроительство, советские археологи использовали данные этнографии для архитектурно-конструктивной и планировочной характеристики жилища и поселения, в меньшей степени - для социальных реконструкций, еще реже привлекались мировоззренческие стереотипы. В свою очередь, появление в нашей этнографической литературе целого ряда интересных работ, посвященных семантике жилого пространства, строительной обрядности (см. работы Байбурина А.К., Гемуева И.Н., Сагалаева А.М.), в том числе по пермским народам Приуралья (Теребихин Н.М., Шкляев Г.К.), позволяет несколько иначе, обоснованнее характеризовать обрядово-ритуальную сферу древнего домостроительства.